

«Я знаю, кто убийца! Это точно тот, у кого нет имени. Не хочешь стать невинной жертвой? Тогда перешли это сообщение другим~ Рада нашему союзу~»

Юй Мэнмэн сидела на краю кровати, боком к стене, и сжимала в руках маленькую раскладушку. Палец завис над клавиатурой — она никак не могла выбрать между кнопками «Удалить» и «Переслать».

Сегодня днём в актовом зале она первой наткнулась на труп Хэ Вэя. Стоило вспомнить, как ещё секунду назад целое тело рассыпалось в прах прямо у неё на глазах, как пальцы сами тянулись к губам. Юй Мэнмэн принялась нервно грызть ногти. Внезапно перед глазами возник другой образ — окровавленный обрубок внизу, в душевой. Лицо девушки мгновенно побелело. Дрожащим пальцем она ткнула в кнопку «Переслать».

Если поиски мужчины-учителя затянутся, а жертв станет больше, в группе неизбежно запустят голосование. Главное — чтобы выбор не пал на неё. Она ни за что не позволит разорвать себя на куски. Она ведь ни в чём не виновата. Она безвинна.

— Юй Мэнмэн, ты чего там делаешь?

Её соседка по комнате, Чжан Цинфан, как раз собиралась ложиться и теперь с любопытством вытягивала шею.

Юй Мэнмэн вздрогнула. Инстинктивно захлопнув крышку телефона, она засунула его глубоко под подушку.

Спешно разгладив подол рубашки, она поднялась на ноги и шагнула к письменному столу.

— Да так, ничего. Прибираюсь немного перед сном.

Чжан Цинфан растянулась на постели и с облегчением вздохнула:

— Наконец-то этот день закончился. Интересно, кого из бедолаг разорвут завтра?

Её безмятежный тон покорибил Юй Мэнмэн. Нахмурившись, она спросила:

— А самой на месте этого бедолаги оказаться не боишься?

— Эй, ты чего меня раньше времени хоронишь? — Чжан Цинфан даже приподнялась на локтях, но тут же переменилась в лице и отмахнулась: — Чистой совести черти не страшны. Если вести себя тихо и не нарушать правила, пронесёт. Но знаешь, подруга... есть тут одна мысль, даже не знаю, стоит ли говорить.

Юй Мэнмэн терпеть не могла эти жеманные вступления. Не уверена — так помалкивай.

Однако она сдержала раздражение и сухо обронила:

— Выкладывай.

Чжан Цинфан повернулась на бок, подперев голову ладонью:

— Мне кажется, в этой игре самое жуткое — вовсе не мстительный призрак.

Юй Мэнмэн замерла и медленно обернулась:

— К чему ты клонишь?

— Чужая душа — потёмки, а человеческая подлость границ не знает, — Чжан Цинфан заговорщически приставила палец к губам. — Призрака я не боюсь. А вот оказаться той, кого союзнички единогласно сольют на голосовании, — очень даже.

В глазах Юй Мэнмэн промелькнула тень. Она поспешно отвернулась к столу, делая вид, что раскладывает вещи.

Да уж, кому охота становиться козлом отпущения? Страшно всем без исключения.

Чжан Цинфан тем временем поудобнее устроилась на подушке:

— Так что в ближайшие дни лучше сидеть тише воды ниже травы. Главное — ни с кем из игроков не конфликтовать.

Юй Мэнмэн промолчала. В голове царил такой сумбур, что поддакивать соседке не хотелось совершенно.

— Слушай, — снова заговорила Чжан Цинфан, явно настроенная посплетничать. — А тебе не кажется тот парень без имени каким-то странным?

У Юй Мэнмэн внутри всё сжалось — она сразу вспомнила текст анонимки. Опасаясь выдать себя и в то же время пытаться разузнать побольше, она постаралась напустить на себя равнодушный вид:

— Станным? С чего бы? И что ты о нём думаешь?

Чжан Цинфан искоса взглянула на её спину, как-то чудно усмехнулась и покачала головой:

— Да ничего такого. Просто подумала, что он странно хорош собой.

Юй Мэнмэн лишилась дара речи.

На следующее утро оглушительные звуки за окном возвестили о начале нового дня:

— Внимание! Начинаем десятый комплекс всесоюзной радиогимнастики для средних школ — «Время призывает»!

— Первое упражнение — потягивание!

Бодрый, бьющий по ушам марш разносился по всей округе. Голова от него раскалывалась.

Гу Мэн нащупал телефон и откинул крышку. На экране светилось: «Второе сентября».

Очередной солнечный денёк под щебет птиц.

Захлопнув мобильник, он опустил его на колени и замер, тупо глядя перед собой.

Осознание того, что он ночует в комнате, где когда-то жила покончившая с собой школьница, лишило его сна. Всю ночь он вздрагивал от каждого шороха, и теперь, едва встав с постели, чувствовал себя совершенно разбитым.

В комнату вошёл Эньцзинь с тазом в руках. Смахнув с лица капли воды, он посмотрел на сонного Гу Мэна: взъерошенные со сна волосы смешно топорщились, а школьная рубашка сидела криво и косо.

«До чего же милый», — подумал он.

Он водрузил таз на полку, подошёл к кровати и опустился на корточки прямо перед Гу Мэном:

— Я сейчас мимо соседней комнаты проходил, дверь была приоткрыта.

В соседней комнате обустроились Бо Е и Тан Чжи — та самая неразлучная парочка.

— Угу, — вяло отозвался Гу Мэн, показывая, что слушает.

— И я видел, как Бо Е надевал на Тан Чжи юбку.

Гу Мэн лишился дара речи.

Воображение упорно отказывалось рисовать подобную картину.

— Хочешь, я помогу тебе надеть брюки? — невинно поинтересовался Эньцзинь.

Гу Мэн поперхнулся воздухом.

Он судорожно опустил взгляд.

Оказалось, он сидел, широко раздвинув бледные худые ноги, так что его боксеры с крупной надписью «СК» были как на ладони.

Вспыхнув до ушей, он поспешно свёл колени вместе и натянул одеяло до самого подбородка.

— С-спасибо... не надо, я сам справлюсь, — пробормотал он, заикаясь от смущения.

В столовой Гу Мэн и Эньцзинь лавировали между столами с подносами в руках в поисках свободного места.

— Гу Мэн, мы здесь!

Им помахал Бо Е. Напротив него как раз пустовали два стула.

— Плохо спалось? — поинтересовался Тан Чжи, окинув взглядом осунувшееся лицо Гу Мэна.

При этом он послушно откусил половину варёного яйца, которое Бо Е заботливо держал у его губ, а затем мотнул головой — мол, больше не хочу. Бо Е без лишних слов отправил оставшуюся половину себе в рот.

— Да уж, приятного мало. Каково это — спать в комнате покойницы? Всё время казалось, что она решит предаться ностальгии и приляжет рядом со мной, — Гу Мэн уныло помешивал ложкой пресную рисовую кашу. — Я бы с радостью переехал, да только свободных мест в общежитии нет, все комнаты под завязку забиты школьниками.

Не успел он закончить фразу, как прямо у его рта возникло круглое, тёплое очищенное яйцо.

Гу Мэн опустил взгляд на угощение, а затем медленно повернул голову. Эньцзинь смотрел на него с немым обожанием в глазах.

Гу Мэн вздохнул. Понятно: этот великовозрастный ребёнок опять обезьянничает, глядя на сладкую парочку.

Сил на нотации не осталось. Гу Мэн просто вздохнул, покорно открыл рот и целиком заглотил яйцо, набив щёки.

Бо Е тем временем распечатал влажную салфетку. Сначала бережно вытер губы Тан Чжи, затем вытер свои пальцы и между делом предложил:

— Слушай, может, переберётесь к нам?

Гу Мэн едва не поперхнулся сухим желтком. Срочно сделав глоток тёплого соевого молока, он прохрипел:

— А мы с Эньцзинем на одной кровати поместимся? Не тесновато будет?

В спальнях стояло всего по две койки, и вчетвером там развернуться было сложно.

— С чего ты взял, что на кровати? — хмыкнул Бо Е. — На полу постелем. Места там достаточно.

Гу Мэн уставился на него с каменным лицом:

—... Знаешь, пожалуй, я лучше останусь делить постель с призраком Чуньцзы.

Тем временем Эньцзинь, с точностью швейцарских часов повторяя движения соседа, расправил влажную салфетку и потянулся к чужому лицу.

Гу Мэн замер с набитым ртом. Так и застыв со стаканом молока в руке, он обречённо уставился на своего спутника.

Эньцзинь ласково улыбнулся, аккуратно промокнул его губы и с чувством выполненного долга принялся вытирать собственные ладони.

— Вы точно не спите друг с другом? — Бо Е с прищуром переводил взгляд с одного на другого.
— То он тебя с ложечки кормит, то губы вытирает... Такая трогательная забота. Голубизной от

вас за версту несёт.

У Гу Мэна разболелась голова. Поставив стакан на поднос, он со вздохом пояснил:

— Да никого он не клеит, просто бездумно повторяет за тобой. Вы же знаете, у него с головой... хм, небольшие трудности. Он как ребёнок — копирует всё, что видит вокруг. Так что имейте совесть. Особенно ты, Бо Е. Прекращайте эти нежности при свидетелях. Я не хочу, чтобы он набрался от вас всякой пошлости.

— Слышь, Гу Мэн, — Бо Е лениво вскинул брови. — Это кто тут у нас неприличный? И с каких пор перенимать мои манеры стало чем-то дурным?

Тан Чжи отложил цзунцзы, аккуратно слизал прилипшую к пальцу рисинку и едва слышно пробурчал под нос:

— С самых давних, старый ты хулиган.

Гу Мэн не выдержал и прыснул со смеху.

Бо Е медленно повернул голову к Тан Чжи. Лицо его не выражало ровным счетом ничего, отчего становилось не по себе — бог весть, что творилось в этот момент в его голове.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Тан Чжи невинно захлопал ресницами. Он замер, прижав пальчик к губам, и уставился на партнёра чистыми, влажными глазами, словно он тут вообще ни при чём.

Бо Е молча разглядывал его несколько секунд, после чего внезапно расплылся в улыбке и обернулся к Гу Мэну:

— Ладно-ладно, не переживай. Обещаю беречь невинную душу Эньцзиня пуще прежнего.

— Вот и славно, — удовлетворённо кивнул Гу Мэн, принимаясь распутывать нитку на своём цзунцзы.

— Малыш, ты наелся? — ласково спросил Бо Е у Тан Чжи. — Если да, пойдём потихоньку в класс.

Тан Чжи согласно кивнул и уже потянулся было встать, как вдруг Бо Е бесцеремонно взял его за подбородок и развернул к себе лицом.

— Ну что за ребёнок? — картинно вздохнул Бо Е. — Вечно у тебя всё лицо в еде. Рисинка к углу

рта прилипла.

— Где?..

Тан Чжи не успел договорить — красивое лицо Бо Е уже надвинулось вплотную.

Совершенно игнорируя ошарашенные взгляды других учеников за соседними столами, Бо Е неторопливо слизнул несуществующую крупинку с губ юноши, а напоследок собственнически прильнул к его влажным приоткрытым губам, увлекая в короткий, но чувственный поцелуй.

— Вот теперь порядок. Идём.

Наблюдавший за этим бесстыдством Гу Мэн чуть челюсть не выронил. Градус интима явно зашкаливал для школьной столовой.

Бо Е поднялся, уводя за собой пунцового от смущения Тан Чжи. Поровнявшись со стулом Эньцзиня, он снисливо похлопал того по плечу и заговорщически подмигнул:

— Усвоил урок, парень? На практике закрепить не забудь.

— Вот же гад! — догадался наконец Гу Мэн, что это была чистой воды издёвка. Он обернулся вслед уходящим ребятам и крикнул на всю столовую: — Твоя взяла! Ну ты и животное!

Бо Е, даже не оборачиваясь, лишь небрежно махнул рукой на прощание.

Эньцзинь перевёл задумчивый взгляд на Гу Мэна. Затем скользнул глазами ниже, облизнулся и заговорил непривычно низким, вкрадчивым голосом:

— Ну надо же, какой неаккуратный. У тебя тут у губ...

Договорить он не успел — Гу Мэн быстрым, отработанным движением запихнул ему в рот сладкую паровую булочку.

— Ещё раз уши развесишь на глупости этого придурка — вообще разговаривать с тобой перестану. Ешь давай!

Эньцзинь мгновенно притих. Подавив в зародыше все дерзкие порывы, он покорно уткнулся в свою тарелку.